Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: От юности моея. Часть 1

Я до сих пор не уверен, стоило ли мне записывать эту историю. Прошло уже несколько лет, и, казалось бы, чувства мои должны улечься, но я все никак не могу сформировать какого-то однозначного отношения к произошедшему. Порой, когда я вспоминаю события тех дней, мне становится весело каким-то диким весельем, и я ощущаю какую-то даже гордость за содеянное (хотя гордиться мне нечем, как это будет видно дальше), а порой — чувствую непреодолимую тоску и стыд. Раскаиваюсь ли я? Быть может. Но если бы у меня была возможность пережить те дни заново, я совсем не уверен, что жил и поступал бы иначе. С тех пор я, конечно, повзрослел и переосмыслил многое в жизни, но даже сейчас — через четыре года после тех роковых событий — если я пытаюсь здраво проанализировать свои поступки и мотивы, движущие мной тогда, я чувствую себя все тем же девятнадцатилетним подростком, запутавшимся в собственных страстях и желаниях.

Быть может, если я запишу все на бумаге, мне будет легче оценить произошедшее, как бы увидев себя со стороны? И тогда я смогу ответить на вопрос: насколько я виноват? Виновата ли она так же как я? Несем ли мы с ней вдвоем ответственность за случившееся, или вина за ее судьбу лежит на мне одном?

Я заранее прошу прощения у читателя за некоторую сумбурность изложения, так как спокойно думать о тех событиях я не могу.

*** Помню тот февральский вечер, когда я возвращался в свой город после зимней сессии в духовной семинарии. (Да, да, вы не ослышались, ваш покорный слуга когда-то собирался начать духовную карьеру.) Зима была лютой, и в плацкартном вагоне стоял дикий холод. Не знаю, сколько тогда показывал термометр, но это было что-то далеко за минус двадцать. Вагон был полупустой, в купе со мной ехал только один мужчина средних лет, который всю дорогу спал на верхней полке. Ну и слава Богу, решил я, — мне абсолютно не хотелось заводить беседу и завязывать знакомства. Сперва я пытался читать — у меня было с собой «Добротолюбие» Феофана Затворника — но сосредоточиться на книге не получалось. Попросив у проводницы чай чтобы согреться, я, не снимая спаог, забрался с ногами на полку и, укутавшись одеялом, просидел так несколько часов

В ту холодную ночь сомнения, терзавшие меня уже долгое время, нахлынули с новой силой, и я как никогда чувствовал свою слабость и неготовность пойти той дорогой, которую когда-то для себя избрал. Осознал я это уже давно, сам себе никогда в этом не признаваясь и оттягивая миг окончательно решения, а сейчас я даже думаю, что быть может я уже знал, что так все и будет, еще когда поступал в семинарию. В общем, как бы там ни было, в шесть утра вошел домой и первым делом сообщил матери, которая встретила меня на пороге:

— Ты знаешь, мама, я не буду священником.

— Господи, Денис, что за чушь! — она застыла на пороге, тараща на меня сонные глаза.

— Мама, пожалуйста, не спорь. Я уже давно это чувствую, и решение я принял не за одну ночь.

Мама, конечно же, расстроилась ужасно, но она понимала, что я давно в том возрасте, когда повлиять на меня она не в силах. Она попричитала, поохала и даже прослезилась, но я видел, что она сразу же отчаялась что-то изменить. Тем лучше, подумал я. Оставался еще отец, но меня, честно говоря, мало волновала его реакция. Не то чтобы мне были безразличны его

чувства, но он утратил свое влияние на меня лет пять назад и не был для меня авторитетом, как бы не по-христиански это звучало. Да, в последнее время у меня появилось много нехристианских мыслей.

— И кем же ты хочешь теперь стать? — спросила появившаяся в дверях прихожей Лиза. Одетая в ночную рубаху, она, по всей видимости, только продрала глаза, и теперь щурясь от света смотрела на меня.

— Не знаю пока. Временная работа у меня есть, а там — поглядим.

— Ты нас с отцом в могилу сведешь! Семинарию ты хотя бы закончишь? — спросила мать.

— Не знаю, мама, ничего пока не знаю. Все потом.

Я поцеловал маму, вымыл руки после дороги и решил часок вздремнуть. У нас с Лизой были смежные комнаты, поэтому идя к себе, я должен был пройти мимо нее. Постель ее уже была застелена, но Лиза лежала на кровати с закрытыми глазами — видимо, решила еще подремать. Она была одета в длинную тонкую ночную рубаху, и я поневоле остановился, засмотревшись на ее нежную фигурку. Она лежала на спине, и грудь ее ритмично двигались в такт ровному дыханию.

Как же она выросла, а я даже не заметил! Бедняжка, она самый младший ребенок в семье, и мне иногда кажется, что ей досталось меньше всего внимания. Всего нас пятеро; у меня с ней всего год разницы, но от остальных троих меня отделяет одиннадцать лет. Лиза и я появились у родителей после такого большого перерыва, когда они уже постарели, и все их силы были истрачены на воспитание старших детей.

Старшие удались на славу: первенец Антон — отец Антоний — уже три года священник и повод для гордости нашей семьи, следующая по старшинству — Лена, жена священника из нашего городка, и третья — Катя, преподавательница в православно-просветительском центре. Их всегда ставили мне в пример: что бы я ни делал, за что бы ни брался, всегда находился старший брат или сестра, который делал это лучше меня. Отец никогда не упускал возможности этим меня упрекнуть, а мать, слушая его, всегда грустно вздыхала, качала головой, бросая на меня взгляды полные укора: и тут мол ты оплошал. Кто знает, может я и стал бы кем-то, если бы ни вечные напоминания о великих заслугах и достижениях этих троих.

Всю свою сознательную жизнь я чувствовал, что от них меня отделяет что-то гораздо большее, чем одиннадцать лет. Они всегда были чем-то недосягаемым. И даже когда я был уверен, что пойду по стопам брата и стану священником, я твердо знал, что буду хуже его.

Я смотрел на Лизу, наверно, минут десять. Вскоре она перевернулась на бок, повернувшись ко мне спиной. Ночнушка нежно облегала тонкую талию, подчеркивая красивый упругий зад и бедра. Я почувствовал ниже пояса знакомый холодок, который появляется, когда смотришь на красивую девушку, и заметил, что дыхание мое участилось.

Опомнившись, я поспешно отогнал от себя все неподобающие мысли и поспешил к себе в комнату. Нормально ли то, что я так реагирую на Лизу? Нормально, успокаивал я себя. Просто сегодня я принял решение, которое снимает с меня некоторые ограничения. Теперь я могу свободнее смотреть на женщин, и я просто отреагировал на первую женщину, встретившуюся мне за день, не считая матери, конечно. Лиза — женщина, повторил я себе, и почему-то от этой мысли по телу у меня пошли мурашки. Я привык, что она девчонка-подросток, немного странноватая и немного, как говорят, на своей волне, но время летит так быстро, что я совсем не заметил как она стала самой настоящей женщиной! Да,

женщиной — я сам только что видел: бедра, талия, грудь. Я на цыпочках подкрался к двери между нашими комнатами и заглянул за откос. Сестра все так же безмятежно спала на боку, повернувшись ко мне спиной.

Женщина...

Вскоре вернулся отец после ночной смены на заводе. Мне не хотелось стыкаться с ним: я знал, что он бурно воспримет мою новость, поэтому я поспешил под одеяло и притворился спящим. Притворяться не пришлось — я моментально заснул. Проснувшись, я обнаружил, что спал семь часов — бессонные ночи подготовки к экзаменам и сегодняшняя ночь в поезде не прошли бесследно. После столь долгого сна моя голова была ужасно тяжелой. Дома уже не было никого, я разогрел себе обед и поел в одиночестве.

Где-то в глубине моего мозга засела какая-то мысль — что-то приятное и вместе с тем запретное, — и я никак не мог ее оттуда выудить. Она как-будто бы щекотала мое сознание, но тут же пряталась, так что я не мог за нее зацепиться. Поев, я пошел к себе в комнату, и, проходя мимо Лизиной кровати увидел следы ее тела. И тогда я все вспомнил. Я провел рукой по подушке, простыни, представляя, как трогаю ее мягкую кожу... Прекрати! — резко сказал я себе. Поглядев на висящую на стене икону Богородицы, я перекрестился и решительно зашагал прочь. ***

В воскресенье вечером у моего старшего брата Антона, или отца Антония, собралась шумная компания. В основном за столом сидела молодежь, были также несколько молодых священников с женами, ну и мои родители — куда же без них? Я не хотел идти, но потом подумал, что все равно вечерами умираю от скуки дома, так не все ли равно, где умирать? Тем более, что парочка интересных мне людей все же там должна была присутствовать.

Мои предчувствия меня не обманули: вечер был прескучнейшим. Говорили обо всем и ни о чем: чем отличается ересь несторианства от ереси арианства, почему православная монархия — единственная угодная Богу форма правления, вредна ли рок-музыка, почему пала Византия. Темы были избитыми, уже раз по десять обсуждавшимися. Нового не прозвучало ничего, но лица у большинства были такими, будто мы решали судьбу государства. Я молчал почти все время, не поддаваясь на пыпотки втянуть меня в разговор. Не знаю, сколько бокалов вина я осушил, но почувствовать себя в своей тарелке оно мне не помогло. А ведь всего какие-то полгода назад я любил такие посиделки, и сам в них активно участвовал.

— А вот скажите мне, — спрашивал молодой человек моего возраста с редкой бородкой, который был мне незнаком, — сколько воль во Христе?

Господи, сказал я про себя, ты же знаешь ответ, зачем спрашиваешь? Неужели больше не о чем говорить?

Один из батюшек ехидно улыбнулся:

— Ха, это непростой вопрос. Кто скажет, сколько? — обратился он ко всем.

Кто знал, тоже ехидно заулыбались, но не спешили с ответом.

— Одна? — послышался чей-то нерешительный голос.

Парень, задававший вопрос, был явно удовлетворен:

— Знаете, — сказал он с умным видом, — если бы вы сказали это в седьмом веке, вас бы отлучили от церкви за ересь.

— Но почему?! Какой правильный ответ? Неужто две?

— А вот пусть Денис нам расскажет, — вставила вдруг моя сестра Катя. — Его в семинарии должны были этому учить.

Не дадут расслабиться, гады.

— Церковь учит, что у Христа две воли — божественная и человеческая, — сказал я. — Если вкратце, то аргументация сводится к тому, что если бы у Него была одна воля, она была бы либо божественной, либо человеческой, но тогда Он не был бы Богочеловеком.

— Да уж, — задумчиво сказал один из батюшек с длинными усами. — Опасности подстерегают нас на каждом шагу! Вот так не подумаешь, не спросишь, или не прочтешь — и впадешь в ересь!

— Ну и что? — вдруг спросила интеллигентного вида барышня с другой стороны стола. — Скажем, я считаю, что у Христа одна воля. Вот никто мне никогда не объяснял, что их две. Ну и что? Как мне это помешает творить добро и жить по Его законам?

Усатый батюшка покачал головой:

— Осторожнее, прошу вас. Вы не знаете, что говорите, — его лицо старалось принять умный вид, но он явно не знал, что сказать.

— Ну вот не понимаю, хоть убейте!

Я пришел на выручку бедному священнику:

— Церковь учит, что любая ересь отдаляет нас от Христа. Если мы неправильно понимаем Его сущность, то не можем любить Его во всей полноте. Вот, скажем, если вы считаете, что у Христа не было человеческой природы, то тогда теряется весь смысл в крестной жертве. Бог сошел на Землю и принял крестные муки. Ну и что? Он — Бог, что ему человеческие страдания? Но церковь говорит, что Христос имел в себе две природы, и будучи полноценным человеком, он испытывал человеческие чувства: боль, страх, отчаяние. Крестная жертва лишь так обретает смысл. Любая ересь искажает наше понимание Бога, а имея ложное понимание Бога, мы теряем любовь. Любовь к Богу, и как следствие любовь к ближнему.

Кажется, меня разговорили, подумал я с улыбкой. Пора заканчивать.

— Спасибо за разъяснение.

Но я продолжал дальше:

— Другое дело, конечно, что все то, что я вам рассказал, не имеет к нам с вами большого отношения.

— Это почему?! — в недоумении воскликнула моя сестра.

— Потому что в мире очень мало людей, чьи моральные принципы определяются их мировоззрением. Для этого нужна такая воля и такой разум, которые редко встречаются.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот например, был у меня товарищ, называвший себя последователем Спинозы. Он любил рассуждать о ничтожности судьбы одного человека по сравнению с судьбой мира, говорил, что жизнь человека имеет ценность только как часть Бога. По его мнению, оплакивание умерших — это аморальное занятие, потому что смерть человека не значит ровным счетом ничего. Здесь конечно же имеется в виду не христианский Бог, а Бог Спинозы. Короче говоря, однажды он влюбился, а через полгода его возлюбленная погибла в автокатастрофе. И наш противник оплакивания умерших настолько восскорбел, что был близок к самоубийству. Вот вам и пример: исповедовал он одно, а внутри был совсем другим. Но все люди такие. Встречаются лишь единицы, приводящие в гармонию свои онтологические взгляды с этическими, но их настолько мало, что нам — простым людям — ересь совсем не страшна. Мы все бытовые еретики, если так можно выразиться. Толкуем христианство, как сами понимаем, но если копнуть, то окажется, что каждый из нас вынашивает в себе десяток-другой ересей.

Но влияет ли это как-то на нашу жизнь? Совершенно не влияет. «Ну одна воля, ну две? Какая разница? Все равно я буду в церковь по воскресеньям ходить и свечку ставить.»

— Это вас в семинарии такому учили? — спросила с подозрением Катя.

— Денис, это правда, что ты передумал быть священником? — вдруг спросила жена одного из собравшихся батюшек. Черт подери! Мои родители совершенно не умеют держать язык за зубами. Меньше всего мне сейчас хочется объяснять присутствующим свое решение.

— Пока точно не знаю, но в этом году я рукополагаться не буду, — коротко ответил я.

— А епископ уже знает?

— Нет, ему еще не говорил.

— Не думаю, чтобы он обрадовался, — сказал мой брат Антон. — У него наверняка уже на тебя планы. Ты же знаешь, сейчас священники нарасхват. Так что поспеши поставить его в известность. Но имей в виду, что по головке он тебя за это не погладит, если, конечно, нет весомой причины.

— Денис, что это на тебя нашло? — спросила Катя.

— Долго рассказывать, — буркнул я.

— Я всегда ожидала от тебя какой-то глупости! Ты погляди, какой у тебя брат! — пафосно воскликнула она. — Ты должен брать с него пример! Если бы он при первом сомнении отказался от своей цели, он бы не стал тем, кем он есть сейчас.

Спасибо, я знаю, что у меня замечательный брат, но я-то какое отношение к этому имею? Вслух я ничего не сказал.

— Катя, не нужно, — тихо сказал отец Антоний, — не сейчас.

Антон положил руку мне на плечо и сказал тихо:

— Я всегда уважал твое мнение, но и всегда боялся, что твои вольные мысли заведут тебя не туда, куда надо. Если действительно думаешь, что так будет лучше — делай, как знаешь, но прошу тебя, подумай еще раз. Не загуби свою жизнь из-за минутных сомнений. Если хочешь — можем поговорить позже наедине.

— Спасибо, — я взял его за руку. — Спасибо, брат.

Оглядевшись, я увидел, что все взгляды за столом прикованы ко мне. Среди них были явно осуждающие, были удивленные, были сочувствующие, были любопытные. Я почувствовал раздражение, которое порой вызывает у меня эта компания, поэтому встал из-за стола и вышел на балкон.

Уже стемнело, но снег за окном ярко отблескивал в свете луны. Я смотрел на бескрайнее заснеженное поле за окном балкона, и возвращаться в комнату мне не хотелось. Мне не хотелось возвращаться к ним вообще. Я представил, как бреду по этому полю далеко, подальше от всех этих людей, которые стали так меня раздражать. Что со мной случилось? Еще год назад мне было хорошо с ними, я чувствовал себя частью этой компании, разговаривал, смеялся, понимал их. Теперь — нет. Я чувствую в лучшем случае непонимание, в худшем — презрение с их стороны. Я отверг путь, который они считают единственным правильным для меня, теперь я другой, теперь я чужой. Пожалуй, единственный человек, пытающийся меня понять — это мой брат. Ну и еще Лиза. Удивительная вещь — сообщества православных. Такого контраста я больше нигде не встречал. Только здесь рядом с самой самоотверженной любовью и добродетелью сосуществует совсем нехристианская ненависть и презрение. Тут уживаются бок о бок невежество и тупоголовость вместе со здравомыслием и рассудительностью. Если бы меня попросили назвать самого мудрого, самого глупого, самого

самоотверженного и самого эгоистичного человека — они все были бы из рядов православных. Привести пример самой настоящей человеческой любви и преданности? Или самой отвратительной человеческой жадности и мелочности? Все это я встречал тут, в этом невероятно противоречивом сегменте нашего общества, именуемым православные.

— Денис...

Я обернулся и увидел Лизу. Она была прекрасна в этом освещении: лунный свет озарял ее ангельское личико, густые тени ложились на него, подчеркивая его крупные черты. Она всегда была только маленькой девочкой для меня. Всегда, до этого дня.

— Привет. Что они там, меня обсуждают?

— Да нет, Антон переменил тему разговора, теперь они обсуждают отстранение Кураева от должности. Так что это надолго, сам понимаешь.

— Да, наверно. Хотя пару недель назад они уже это обсуждали.

— Ну всегда найдется еще какая-нибудь животрепещущая тема, что мало что ли? — ее глаза смеялись, хотя лицо было серьезным. — Например, ИНН. Очень важная тема, знаешь ли.

— Понятно, — я усмехнулся и снова повернулся к окну. Хорошо, что Лиза шутит на эти темы. Она молодец, раз умеет видеть комичность в таких ситуациях. — Как ты выросла, а я даже не заметил.

— Ой, да ладно тебе. Я всего на год младше тебя, думаешь, я всегда должна оставаться заплаканной школьницей?

— Нет, конечно. Теперь ты будешь заплаканной студенткой.

Она фыркнула и вздернула свой гордый носик.

— Что, разве неправда? — рассмеялся я. — Помню, две недели назад я полночи уснуть не мог, потому что в соседней комнате кто-то плакал. Кто это был, ты случайно не знаешь?

Она молча отвернулась.

— Давай не будем об этом.

— Прости, я зря это сказал. Я знаю, что тебе тогда было плохо. Прости.

Она обняла меня и прижалась к моей груди.

— Денис... Почему они себя так ведут?

— Кто? — не понял я.

— Родители.

— Они тебя любят, вот и хотят тебя оградить от неприятностей.

— Чушь, — отрезала Лиза. — Ты меня тоже любишь, но ты бы не стал угрожать парням, которые за мной ухаживают.

— Угрожать? — удивился я.

— А ты разве не знаешь, что папа сделал?

— Я знаю, что он не разрешил тебе встречаться с... Как там его звали?

— Максим.

— С Максимом, да. Мама говорила, что отец его забраковал. Но подробностей я не слыхал.

— Господи, если бы он только запретил, я бы так не расстраивалась. Может быть, я бы и не плакала тогда полночи.

— Так что случилось?

— Когда он узнал, что я два раза ходила гулять с Максимом, он выпытал у меня его фамилию, нашел его «В контакте» и начал смотреть его фотографии. При мне. Он комментировал почти каждую из фотографий, причем очень обидно и незаслуженно. Некоторые фотографии были,

мягко говоря, не очень приличные. Нет, ничего такого, например, Максим с бутылкой пива дурачится, притворяясь пьяным, или он в каком-то кафе делает вид, что пьет водку прямо из бутылки. Ну в общем, сам понимаешь, ничего серьезного, но отец как набросился на меня! Что ты себе думаешь, посмотри на него! Он алкоголик, он развратник, он то, и то, и то. Потом он нашел телефон на его страничке и позвонил ему. Я не слышала, что он ему говорил — он вышел на улицу, но после этого Максим перестал мне звонить, и даже разговаривать со мной не хочет. Говорит, что лучше нам держаться друг от друга подальше.

— Господи, отец что, на старости лет совсем из ума выжил?! — опешил я.

— Представь, мне приходилось унижаться, бегать за Максимом, выпрашивать, чтобы он хотя бы со мной поговорил. В общем, я не знаю, как дальше быть. Уже не первый раз он пытается прогнать тех, с кем я встречаюсь, но такого еще не было.

Она замолчала, и мы долго стояли, обнявшись и вглядываясь в ночь. Она положила голову мне на плечо.

— Спасибо, что ты меня понимаешь, — сказала она и вдруг заплакала. Мне захотелось взять ее за руку и увести домой, но для этого нужно было пройти через комнату, из которой слышались громкие голоса и смех, и мы продолжали молча смотреть в окно. Я поглаживал ее по спине, чтобы успокоить и ободрить, и поймал себя на мысли, что мне это приятно. Будто я глажу вовсе не сестру. Я ощущал под ее тонкой блузкой бретельку от лифчика, и мне было приятно думать об этом. Я говорил сам себе, что никаких других мыслей у меня нету и не может быть, и таким образом успокаивал нарастающий внутренний голос, пытающийся меня предостеречь. Вдруг мне отчетливо представился Христос, сурово взирающий на меня, и я тут же убрал руку, поборов искушение.

Следующие несколько дней как будто бы и не отличались от моей прежней жизни, но в то же время были преисполнены чем-то для меня новым. Я думал о Лизе почти все время, старался быть возле нее, смеялся, шутил, искал повод заговорить. Однажды она улыбнулась:

— Ты что, вспомнил, что у тебя есть сестра?

— Да, знаешь, — улыбнулся я в ответ, — как-то не замечал раньше.

Она расхохоталась, и побежала на кухню своей легкой походкой, а я засеменил следом.

С меня будто спали оковы: теперь, когда я принял окончательное решение, я абсолютно свободен! Я чувствовал себя так легко и просто, и мне казалось, что я летаю. Я вставал раньше, чтобы посмотреть на нее спящую. Любовался ее фигурой, грудью, волосами. Передвигаясь по дому, я старался не смотреть на иконы, коих в нашей квартире было немало — старая привычка из детства, дабы не встретиться с кем-то из изображенных на них взглядом.

Мы довольно неплохо общались — обсуждали книги, кино, музыку. К счастью, с ней было о чем поговорить, помимо церковного пения и книг она еще много чем интересовалась.

Так прошло около недели, и я начал думать, что мое внезапное увлечение скоро уляжется. Все к тому и шло, но вот однажды мы с Лизой напились. Не то чтобы сильно, но нам хватило. Дома в тот вечер не было никого: мать уехала в очередное паломничество, отец работал в ночную смену, и Лиза вдруг предложила мне выпить вина. Я, в этом деле совсем не опытный, быстренько сбегал в магазин и купил бутылочку сладкого дешевого шмурдяка. Мы разлили вино по чашкам, включили свои любимые Бранденбургские концерты в исполнении Мюнхенского баховского оркестра и уселись на диванчик.другом, кроме ее ножек и груди. Когда Лиза в очередной раз попросила подлить ей еще вина, я взял у нее чашку и плеснул в

нее из бутылки. Сестра потянулась, чтобы взять чашку, а я в шутку отвел руку в сторону. Пытаясь забрать свою порцию, Лиза привстала, протянув руку в мою сторону, и чтобы удержать равновесие положила другую руку мне на ногу, ближе к паху. И она, конечно же, все почувствовала. Лиза застыла на миг, и видно было, что она потрясена. Рука ее лежала у меня на члене, и, боясь пошевелиться, я просто следил за ее лицом. Медленно убрав руку, Лиза села на свое место. Сперва лицо ее не выражало ничего кроме удивления, но потом мне почудилось, что на нем мелькнуло что-то вроде улыбки. Или мне только показалось? Я протянул ей вино, она молча взяла чашку и поднесла к губам. Мое лицо горело, и мне было ужасно стыдно, и хуже всего, я совсем не знал, что мне делать. Я даже теперь лишний раз боялся посмотреть в ее сторону. Что если она сейчас назовет меня извращенцем и уйдет в свою комнату? Но она все продолжала сидеть рядом, потягивая вино и погрузившись, как мне казалось, в свой любимый шестой Бранденбургский концерт. Когда затихли звуки последнего аллегро, Лиза вылила себе в рот остатки вина и внезапно для меня снова придвинулась ко мне.

Господи, неужели это действительно происходит? Неужели она не убежала после того, что видела? Неужели после этого она склонила свою голову мне на плечо? Неужели я настолько осмелел, что рука моя, обняв ее, прижала к себе? Неужели это моя рука тянется к ее груди и сквозь тонкую ткань ощущает, какая она упругая, как торчит ее сосок?

Ты пьян, она пьяна, завтра ты будешь жалеть, безумец! Убери руку! Но нет, я заглушаю в себе голос рассудка, и не убираю руку. Лиза молчит... Потом кладет свою руку на мою.

— Что ты делаешь, Денис? — тихо произносит она. В ее голосе нет упрека.

Я понимаю, что отвечать не нужно. Нужно только действовать. Осмелев, я запускаю руку под ночнушку. Лиза еще ближе придвигается ко мне: теперь она сидит между моих ног, прижавшись спиной к моей груди. Мы не видим лиц друг друга, иначе бы, наверное, сгорели со стыда. Сестра тихо постанывает от моих прикосновений, запрокидывает голову... Одна моя рука опускается к ней на живот, я прижимаю Лизу к себе что есть силы. Член, давно уже торчащий из шортов, упирается ей в спину, и это ощущение заводит нас обоих еще сильнее. Я снимаю Лизину ночнушку, а моя рука медленно опускается к трусикам. В нерешительности я останавливаюсь, и чувствую Лизину руку на моей. Она шепчет:

— Не нужно... — и держит мою руку. Высвободив руку, я смело опускаю ее дальше — вот она пытается проникнуть между плотно сжатых Лизиных ножек. Я применяю силу, и сестра уступает: на мгновение она расслабляет ножки, и я, пользуясь моментом, пробираюсь к самым трусикам. От моего прикосновения из Лизиной груди вырывается громкий стон, и она совсем перестает сопротивляться. Прижавшись ко мне, она начинает двигать своим тазом, так что ее половые губки трутся об мою руку. Я тоже начинаю двигать рукой, а потом, отодвинув ткань трусиков, касаюсь клитора. Вязкая жидкость остается на пальцах, и мне очень хочется попробовать ее на вкус, однако, боясь спугнуть сестру, я просто продолжаю движения пальцами. Массируя клитор, я иногда погружаю палец между половых губ, заставляя Лизу вздрагивать и плотнее сжимать ножки. Мне очень хочется сменить позу, чтобы можно было видеть, что происходит между ног моей сестры, но я осознаю, что могу испугать ее и испортить весь вечер, так что приходится действовать наощупь.

Лизина киска не переставала течь, и я пустил в ход обе руки. Не имея абсолютно никакого опыта в этих делах, я не мог определить, получила ли она уже оргазм, и поэтому просто продолжал свои ласки. Из члена постоянно выделялась жидкость, и я уже порядком измазал

ей спину сестры. В какой-то момент Лизино тело как-будто начало сводить судорогой, стоны стали громче, а руки ее впились мне в колени. Продолжая массировать клитор одной рукой, я обхватил член второй и за пару движений довел до оргазма и себя. Выплеснув Лизе на спину хороший фонтан белой жидкости, я тут же почувствовал ужасный стыд за содеянное. О чем я думал, Господи? Я совратил сестру, и нет мне прощения!

Мы сидели без движения какое-то время, приходя в себя и восстанавливая дыхание, а я смотрел на то, как моя сперма стекает вниз по Лизиной спине. Голова шла кругом от выпитого вина и только что пережитого события. Потом сестра встала, поправила трусики и не вытирая спину, надела ночнушку. Не поворачивая лица ко мне, она села рядом, и глубоко вздохнув, прошептала с загадочной улыбкой на лице: — Мне было хорошо... Три раза.

Весь мой стыд как рукой сняло.

— Ты... Ты три раза... ?

— Да, три раза... Ну ты понял... — она стеснялась сказать «кончила».

— И ты... Не сердишься на меня?

Она повернула лицо ко мне:

— Мы же оба в этом участвовали.

Я долго не мог уснуть. Из соседней комнаты уже давно доносилось мирное посапывание сестры, часы отсчитывали секунды. Выпитый алкоголь понемногу выветривался из организма, и я пытался здраво проанализировать то, что только что произошло. Но мысли плохо вязались друг с другом, и я только все больше возбуждался. Поднявшись с постели, я прошел на цыпочках в Лизину комнату. Она лежала на спине, волосы раскиданы по подушке. Осторожно откинув одеяло, я любовался очертаниями красивой упругой груди, поднимавшейся и опускавшейся в такт дыханию. Аккуратные соски проступали через ткань ночнушки, я дотронулся до одного из них, затем положил руку на грудь. Как я хотел ее в тот момент! Порвать на ней ночнушку и наброситься на ее нежное тело, как голодный зверь на добычу. Лиза повернулась на бок, но не проснулась. Она уже протрезвела, наверно, достаточно для того, чтобы осознавать, насколько греховна связь брата с сестрой, и я побоялся ее будить.

Утреннее пробуждение было мучительным. Голова раскалывалась от выпитого дешевого вина, а воспоминания вчерашнего вечера давили на сознание. Мне было стыдно не то что поднять голову, а и просто открыть глаза, поэтому я долго лежал зажмурившись, прислушиваясь и гадая, встала ли уже Лиза. Наконец, я поднялся, оделся и пошел на кухню. Лиза сидела на своей кровати, а когда я проходил мимо, опустила голову. Мы еле слышно поздоровались, и я отправился готовить себе завтрак. Через время я услышал, как хлопнула входная дверь — сестра куда-то ушла. Поев и выпив чаю, я зашел в свою комнату и опустился на колени перед иконами. Слезы побежали у меня из глаз, и я мог произносить только одно слово:

— Прости!

Молился я, наверно, минут тридцать. Мне стало спокойнее и легче, и я твердо пообещал Богу, что оставлю все греховные мысли насчет Лизы.

Сестра не появлялась целый день, а вернулась только под вечер. Нам так и не удалось поговорить, потому что вернулась мама, и Лиза весь вечер помогала ей по кухне. Да я и не знал, что ей сказать. Я даже не знал, раскаивается ли она во вчерашнем.

Прошло несколько дней. Понемногу мы перестали друг друга избегать, и я решил, что

говорить о случившемся нет смысла. Мы оба были пьяны, и поднимать эту тему — лишь будоражить только что улегшиеся страсти.

Первое время все было замечательно. Я молился больше чем обычно, следил за своими мыслями, отгоняя любую, хоть немного касающуюся наших с Лизой отношений. Отпуск, который я брал чтобы сдать сессию и отдохнуть от учебы, подошел к концу, и пришло время возвращаться на работу в автосервис. Работы было много, и я с головой погрузился в нее, трудясь по десять-двенадцать часов в сутки.

Однако страсти, бушующие во мне, были намного сильнее и страшнее, чем мне сначала казалось, и уже через несколько дней я осознал, что не могу их сдержать. Я все больше с наслаждением вспоминал о той ночи с Лизой, и все больше снова засматривался дома на ее фигурку. Я стал ходить домой на обед, чтобы в середине дня полюбоваться сестрой. По ночам я просыпался и любовался тем, как она спит. Я рассматривал ее фотографии, и мысли мои становились все более смелыми.

И вот однажды вечером отец и мать сообщают нам, что едут в какой-то женский монастырь на неделю, и что мы с Лизой целых семь дней останемся вдвоем. Их присутствие было сдерживающим фактором, не дающим нашим страстям слишком разгуляться. А теперь я буду с ней наедине семь дней, а главное — семь ночей! Это одновременно и устрашало и волновало меня. Я крепился, мужался, клялся себе, что не поддамся на искушение... Но глубоко в душе я прекрасно понимал, во что выльется эта предстоящая неделя.